

№450 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

КРОВЬ ХРИСТА ОЧИЩАЕТ НАС!

Сегодня читается в храмах очень важный, но трудный для понимания отрывок из послания Павла христианам из евреев. Речь идёт об очищении от грехов посредством крови. Причём, апостол проводит параллель между Ветхозаветным культом и Церковью Христовой. Он пишет: «И первый *Ветхий* Завет имел постановление о Богослужении... Тогда за второй завесой была скиния, называемая Святое Святых, имевшая золотую кадильницу и обложенный со всех сторон золотом ковчег завета, куда входил лишь однажды в год один только первосвященник, не без крови, которую приносил за себя и за грехи неведения народа... И Христос, Первосвященник будущих благ, придя в большую и совершеннейшую нерукотворную скинию, и не с кровью козлов и тельцов, но со **Своею** Кровию... Ибо если кровь тельцов и козлов и пепел телицы через окропление освящает осквернённых, дабы чисто было тело, то кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым принёс Себя непорочного Богу...» (Евр.7,26-8,1).

Очистить, смыть грехи – что сие значит? Как можно упразднить поступок человека, который, скажем, сделал несчастным его ближнего, принёс боль и страдание в его жизни?! Изменить прошлое?! Невозможно.

Раскаяние, сожаление о своей неправоте? Да, это может привести к изменению в лучшую сторону самого грешника, но что уже совершенно – не вернёшь. Также, как и «крокодилы» слёзы над гробом любимой, дескать, можно было её и этим осчастливить, и тем; да и по большому счёту, это было не так накладно. Но, увы, я был чёрств и бесчувствен! Да, может быть, если мне бы дали возможность прожить ещё раз, я бы вёл себя по-другому. Вряд ли, но может быть! Но машин времени не существует. Злые дела наши, к сожалению, пишутся не на черновики – переписать не выйдет. И не в WORDe, где можно выделить нежелательный текст и нажать кнопку «delete».

Так вот, если ты искалечил жизнь человека – какой чистящий химикат может помочь в этом?! Кровь?! Да если ты соберёшь всех коров и козлов по всей стране и выпустить из них кровь – кому от этого станет легче?! Или **свою** отдашь до последней капли – жизнь пострадавшему уже не вернёшь. Кровь **Христова**, которой, по стереотипному штампу религиозных

ханжей омываются наши грехи? Симптом шизофрении! Если ты обездолил человека, лишил его возможности самореализоваться, а то ещё и совратил его душу?! Что может это изменить? Ни камень жерновный на шее, тянущий преступника на дно, ни виселица, ни гильотина! Да и казнь безгрешного Иисуса на Кресте.

Но в чём тогда смысл этих слов Павла?

Кровь была символом и смерти, и жизни, и ещё чего-то важного. Боли и страдания. И здесь уже, как бы в тумане, проясняются контуры сего очистительного феномена. Конечно же, не от самих грехов, как от проступков, свершённых злодеяний, а от **СКВЕРНЫ** греха. И это весьма важный момент. Когда мы причиняем боль нашим ближним, это влечёт последствия не только морально-психические или даже физические – грубо говоря, ударил человека – сломал ему нос, и если не помогут ему хирурги-косметологи – будет он до гробовой доски ходить с искривлённым лицом. Не только это. Совершая зло, или даже замышляя его, мы излучаем некую энергию, которую в Церкви принято именовать «скверной». Что собою представляет эта субстанция нам неведомо, но она отравляет и нас самих, и окружающую нас среду, вплоть до таких катаклизмов, как землетрясения, наводнения, тектонические сдвиги. Люди могут болеть, распространяться эпидемии, следовать неурожайные годы. В конце концов, даже такая ерунда, как цветы домашние, могут пропасть.

Избавиться от этой губительной энергии непросто, но, как свидетельствует религиозный опыт, эта скверна нейтрализуется страданиями. Да, человек, невыносимо страдающий на смертном одре болезни от страшного заболевания, может и озлобиться, и опуститься. Но если он всё же терпеливо переносит эту боль со смирением пред Всевышним, его душа очищается **от скверны грехов**, им допущенных при жизни. Причём, интуитивно, но ярко это чувствуют и его ближние.

Ну и, конечно же, **Кровь Христова**, как символ великих страданий Христа на Кресте, очищает всех нас, весь мир и всю Вселенную от греховной скверны, которая токсична, причём, не только для наших тел, но и душ, и не столь в жизни земной, сколь в загробной.

НЕ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ УЩЕРБНЫМ

Размышляя о воспитании детей, мы, конечно же, имеем в виду не только родителей. Есть и такой термин – «улица». Говорят – «его воспитала улица». Или школа. И, безусловно, каждый из нас соучаствует в **чужих** родительских усилиях. Мимо нас ходят же чужие карапузы, которые в каком-то смысле чужие, а в каком-то смысле – наши. Это же потенциальные ученики Христовы, значит, мы тоже несём свою ответственность за то, что с ними происходит. Мы обязаны разделить жертвы их родителей, и мы обязаны **содействовать** родителям. Потому что чем больше таких добровольных помощников у христианских родителей, тем лучше и им, и детям. В этом смысле соборность воспитания будущих христиан, действительная церковность – совершенно незаменима.

И дело здесь не в разделении труда: дескать, я, родитель, кормлю-пою, одеваю, ращу, отдаю на английский, танцы, плавание, что-то ещё, а есть те, кто его **учит** плавать, танцевать, английскому и так далее. То есть я, родитель, **плачу** деньги, а есть люди, которые профессио-

нально ребенка **воспитывают**, вернее, его строят. С одной стороны, конечно, такое разделение труда имеет место в любом нормальном сообществе, и в христианском в том числе. Но очень большое заблуждение думать, что подобное разделение труда действительно осуществимо в своей полноте. Не может быть этого так. Если оно будет действительным разделением труда, в собственном, полном смысле слова, тогда и ребенок у вас будет разделённый на множество фрагментов. Нет, не шизофреник, просто несобранный человек. Причём он может несколько вещей делать одинаково хорошо – и плавать, и плясать, и по-английски говорить, – но в некую целостность это не вырастает. У него просто есть три изолированных друг от друга качества, самих по себе полезных. Да и в любом случае, лучше уметь плавать, чем не уметь, например. Но толку всё равно мало, если у него есть десять умений. Потому что как носитель каких-то умений он состоялся, а как носитель вечной жизни – нет. Он не умеет чувствовать в своих умениях вот этого, самого главного. А это самое главное учитель плавания ему привить не может просто как учитель плавания. Ну, понятно, мы здесь нарочито утрируем. Другое дело, если учитель плавания – глубокий христианин и понимает, что он учит плавать, и при этом его обязанность – это плавание пристегнуть к самому факту тайны жизни, носителем которой является его ученик, тогда другое дело. Именно в этом, к слову говоря, и состоял бы принципиальный залог возможности христианского воспитания.

И очень важно, чтобы всё это делалось со смыслом и в духе. Когда хотя бы преподаватель в первую очередь, и во вторую очередь сам воспитуемый и обучаемый понимают, чего ради это. Когда они не сталкиваются с таким фатальным затруднением: вот это, вроде как, и надо так – вообще по жизни, но по большому счёту – не особенно и надо.

Вот какое нужно общее образование каждому человеку? И что это значит – человек образованный? Зрелый – в смысле готовый ко многому, готовый самостоятельно жить? Это, между прочим, капитальнейшая проблема. Мир этого разрешить не умеет. Совершенно очевидно, что глубже всего отвечали на этот вопрос в таких сообществах, где образование не было сугубо функциональным, где оно не получалось исключительно для того, чтобы красиво, богато и легко жить. Где образование рассматривалось как что-то самодостаточное, как ценность, которая позволяла непреходящим образом удивляться тому, что звезды на небе светят, и мир не разрушается. Вот от этого удивления появлялось не одно поколение античных философов. И Аристотель, будучи представителем четвертого (если говорить об афинской философии) поколения учеников – он был учеником Платона, который был учеником Сократа, а тот учился у Анаксагора, – вот, четвертое поколение учеников, хотя по возрасту там разница не 20 и 30 лет, как между детьми и родителями, – вот они на этом удивлении и воспитывались. И Аристотель ещё пишет, что всякая философия начинается с удивления. Это его слова. А удивлялись до него все вот эти люди. Это очень мощный заряд обретения чего-то настоящего в жизни. Того, что не тлеет, несмотря на то, что жизнь тленна и полна случайных обстоятельств.

Вообще, мы уже упоминали, что Греция – это весьма своеобразное состояние человечества. И эта чудесная цивилизация была уделом очень немногих людей. Афины насчитывали несколько десятков тысяч человек, и афиняне бдительно следили за тем, чтобы число афинских граждан не возрастало. Они не были злыми людьми, у них редко было много рабов, периодически этих рабов отпускали на свободу, но чтобы человек приобретал статус гражданина в Афинах – это была большая редкость. Выпереть из Афин того, кто слишком заносится, это – пожалуй, остракизм. Даже не за сто первый километр, а вообще. Причём, как известно из истории Греции, зачастую такой процедуре подвергались знатные и известные люди, в том числе и национальные герои.

А вот повторить эти самые Афины хотя бы в том или ином виде у мира получается чрезвычайно плохо. Тут же возникает вопрос: а кто за это удовольствие платить будет? А между тем, система образования, то есть система становления взрослого человека, которая позволяет ему утвердиться в том даре жизни, который у него есть (утвердиться – это означает не чувствовать себя ущербным) – эта система образования должна ему это позволять.

Ну, а что мы имеем? С одной стороны, образование традиционное, классическое, которое несёт на себе следы античности, которое давалось в школах и в университетах, в элитных, по крайней мере, заведениях, ради того, чтобы человек что-то понял о Боге и мире в целом, – такое образование было, и именно из такого образования выростали крупные мыслители Средневековья, и потом, по инерции, Нового времени тоже. Но из такого образования постоянно получают функциональные формы образования. Скажем, в Америке. Дело доходит до смешного. Когда какой-нибудь литературовед, на вопрос о том, как он, специалист, скажем, по Фолкнеру, находит некий круг идей, выраженный в романах этого автора, – он на голубом глазу отвечает, что он вообще-то да, специалист по Фолкнеру, но по его рассказам, а не по романам. Поэтому насчёт романов у него нет своей точки зрения. Ну, скажем, в Европе такая ситуация пока ещё невозможна, но принцип вот такой приблизительно. Когда ты в первую очередь не физик, химик, биолог, филолог, историк – а физик чего-то. Ну, понятно, что физиком всего, наверное, быть нельзя. Но быть в первую очередь физиком низких температур, который во всем остальном себя утвердил как не специалист, – это, согласитесь, какое-то выпячивание чего-то одного в ущерб всему остальному, в соответствии с известным афоризмом Козьмы Пруtkова: «Специалист подобен флюсу». Так вот, как, вообще говоря, непривлекательно выглядело бы человечество, где у каждого из нас был бы раздут флюс в одну сторону, так же непривлекательно выглядит и вся хваленая европейская система образования.

А выходов из неё самой как таковой всего два. Или она окончательно расползается по таким функциональным каналам, и чем дальше, тем больше дробиться. И физик низких температур – уже не просто физик низких температур, а эти низкие температуры тоже уже как-то поделаются, потому что знание экстенсивно, оно неисчерпаемо. Поэтому рано или поздно выясняется, что там, где оно дробится на более мелкие части, возникнут специалисты нового поколения, и они будут считать, что в нормальной ситуации не может быть физика низких температур. Может быть физик температуры, близкой к абсолютному нулю, или же температуры чего-то посреди. Причём для физики это ещё не так смешно, как, например, в гуманитарной сфере. Ну, вот зачем, если так подумать, нужен специалист по Достоевскому, если он ничего другого в сфере своей основной деятельности не включает? Понятно, что может быть специалист, в сфере интересов которого – в первую очередь **мировоззрение** Достоевского на фоне литературы как феномена человеческой деятельности как таковой. Это понятно. Но вот есть такие замечательные термины: толстовед, достоевед, чеховед и так далее. Да, на полном серьёзе. Достоевед – это тот, кто ведает Достоевским. Это, может, нам смешно, а достоеведам не смешно, и толстоведам тоже. Там, правда, среди толстоведов, поскольку Толстых было несколько... там дополнительный ранжир приходится вводить.

То есть такой подход в образовании и в воспитании в целом порочен. Он не может способствовать формированию целостной личности. Хотя, конечно, специализация – это фактор в современном мире, без которого не обойтись, который даёт много плюсов. Но как избежать минусов, причём существенных? Этот вопрос остается открытым.

*Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтёте нужным*